

Карл Шмитт в восприятии либералов¹

ГЕРМАНН ЛЮББЕ

ПРИ ИЗУЧЕНИИ истории влияния Карла Шмитта не следует забывать об интересе, проявленном к его работам в мюнстерском *Collegium Philosophicum*, который в конце 1940-х годов основал Иоахим Риттер². В литературе о Карле Шмитте, насколько мне известно, об этом — правда, весьма избирательно (и не без основания!) — интересе до сих пор не говорилось. При этом нет недостатка в попытках охарактеризовать особое немецкое направление так называемого неоконсерватизма³ через его настороженное отношение к модерну. Эрнст Форстхофф, Арнольд Гелен, а теперь и Иоахим Риттер изображаются в качестве представителей такой настороженности, а в качестве фоновой фигуры, особенно в случае Форстхоффа, маячит Карл Шмитт. В силу такого влияния на немецких неоконсерваторов их (в отличие от американских единомышленников, находившихся под либеральным влиянием) предлагается считать по их происхождению «младоконсерваторами»⁴.

1. Перевод выполнен по изданию: © *Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus.* Wien; Graz; Köln: Styria, 1989. S. 309–322.
2. Ранним свидетельством деятельности *Collegium Philosophicum* является сборник к юбилею Риттера: *Collegium Philosophicum. Studien Joachim Ritter zum 60. Geburtstag.* Basel; Stuttgart, 1965.
3. Сравнение американского и немецкого неоконсерватизма см. в кн.: *Der Neokonservatismus in den Vereinigten Staaten und seine Auswirkungen auf die Atlantische Allianz / H. Rühle, H.-J. Veen, W. F. Hahn (Hg.).* Melle: Knoth, 1982.
4. Данное выражение принадлежит Ю. Хабермасу: *Habermas J. Die Kulturkritik der Neokonservativen in den USA und in der Bundesrepublik // Habermas J. Die Neue Unübersichtlichkeit. Kleine politische Schriften V.* Fr.a.M., 1985. S. 30–56. В качестве метакритики см. мою статью *Neokonservative in der Kritik* в: *Lübbe H. Fortschrittsreaktionen. Über konservative und destruktive Moderne.* Wien; Köln: Graz, 1987. S. 27–40.

Известно, что Эрнст Форстхофф много сделал для популяризации работ Карла Шмитта среди молодых ученых. Не в последнюю очередь этому служили встречи в Эбрахе⁵, на которых иногда присутствовал и сам Карл Шмитт. Менее известно то, что Карл Шмитт, хотя и достаточно редко, участвовал и в заседаниях *Collegium Philosophicum* Иоахима Риттера — сначала посредством своих тезисов, а потом и лично. История *Collegium Philosophicum* еще, к сожалению, не изучена. Вот и я в своем сообщении о роли Карла Шмитта в *Collegium Philosophicum* опираюсь не на источники, а на собственные воспоминания. Я вспоминаю, что впервые Карл Шмитт присутствовал на заседании *Collegium Philosophicum* в Мюнстере в мае 1958 года. Контакт между Риттером и Шмиттом установил Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде, также член *Collegium Philosophicum*. При той либеральности, что характеризовала интеллектуальную атмосферу в Мюнстере, никто не допускал и мысли, что подобные контакты могут вести к идеологическому размежеванию. А что они не были встречами бывших соратников по борьбе, и так ясно, учитывая индивидуальные биографии их участников. Карл Шмитт слыл прежде всего видным интеллектуалом среди юристов. О том, что в ранний период он был вовлечен в сотрудничество с национал-социалистической диктатурой, нам было известно, и это делало его, конечно, для нас, молодых, еще более интересным свидетелем эпохи. Уже по аналитико-методологическим основаниям нам, философам, было понятно, что обвинения человека в сотрудничестве с тоталитарным режимом не тождественны опровержению его теорий. Как в таком случае мы могли бы искать ориентации в мире в трудах Хайдеггера или того же Лукача?

Таким образом, Карла Шмитта читали в Мюнстере не только в целях опровержения и в контактах с ним отражалась не только пространственная близость между вестфальскими городами Плеттенберг, Арнсберг и Мюнстер. Часть авторов, вошедших в состав юбилейного сборника, посвященного 60-летию Иоахима Риттера, позже участвовала и в сборнике, посвященном 80-летию Карла Шмитта⁶, а в упомянутом Эбрахском кру-

5. Поэтому сборник к юбилею Форстхоффа носит подзаголовок «Эбрахские исследования»: *Säkularisation und Utopie*. Erbracher Studien. Ernst Forsthoff zum 65. Geburtstag. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1967.
6. *Epirrhosis*. Festgabe für Carl Schmitt / H. Barion, E.-W. Böckenförde, E. Forsthoff, W. Weber (Hg.). 2 Bde. Berlin: Duncker und Humblot, 1968. «Второй том включает статьи авторов, установивших научные и личные связи с Карлом Шмиттом после 1945 года», — говорится в аннотации на обороте титула. Авторами этого тома были Эрнст-Вольфганг Бёкенфёрде, Карлфрид Грюндер, Германн Люббе, Гюнтер Рормозер, Роберт Шпеманн и Райнер Шпехт. Все они являлись также и членами *Collegium Philosophicum*.

гу Эрнста Форстхоффа всегда присутствовали члены *Collegium Philosophicum*. Подобные связи явно предполагают нечто большее, нежели простое знакомство. Они позволяют выявить историю влияния и тем самым процессы заимствования. Встает вопрос о содержании такого заимствования.

Как-то, уже в 1958 году, Вольфганг Виланд, с которым мы тогда вместе работали в Гамбургском университете, упомянул в разговоре со мной о мюнстерском «левом шмиттианстве», каковой формулой я с удовольствием и воспользуюсь. Разумеется, Виланд не имел в виду течение, подобное рецепции Карла Шмитта в среде анти- или транслиберальных немецких⁷ и позже европейских левых⁸. Скорее он заметил, что политическая теория такого критика либерализма, каким был Шмитт, может быть использована и в либеральном смысле — против антилиберализма как самого Шмитта, так и марксистов. Именно таким в действительности был мюнстерский способ прочтения работ Карла Шмитта. Это был способ прочтения, наиболее подходящий для поколения, уже по возрастным причинам избавленного от необходимости подвергаться судебным процедурам денацификации и свободного в силу «благодати позднего рождения»⁹ заниматься практической политической деятельностью во второй немецкой парламентской демократии, например вступать в новые политические партии или выставлять свои кандидатуры в выборные политические институты. Если бы Хельмут Шельски познакомился с *Collegium Philosophicum*, то есть с его членами, уже в 1957 году¹⁰, это знакомство могло бы способство-

7. См. об этом: *Kennedy E.* Carl Schmitt und die «Frankfurter Schule». *Deutsche Liberalismuskritik im 20. Jh. // Wissenschaften im Nationalsozialismus / W. Lepenies (Hg.)*. 12. Jg. H. 3. *Geschichte und Gesellschaft*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986. S. 380–419.
8. См. сообщение, в котором затрагиваются и левые: *Galli C.* Carl Schmitt nella cultura italiana (1924–1978). *Storia, bilancio, prospettive di una presenza problematica // Materiali per una storia della cultura giuridica*. Bologna. 1979. Anno IX. № 1. P. 81–160, особенно P. 128 ff.
9. Поразительно, что именно это выражение стало в Германии излюбленным объектом интеллектуального отвращения по поводу якобы морально ущербного отношения к национал-социалистическому прошлому. Более смиренно и с большей готовностью к покаянию уже невозможно выразить это отношение: здесь ведь прямо опровергается утверждение, что человек, не являющийся национал-социалистом биографически доказанным образом, никогда не стал бы им, даже если бы и родился раньше, а в качестве причины собственного неучастия в национал-социалистических структурах называется независимый от человека и потому морально не считающийся его собственной заслугой факт года рождения.
10. В 1960 году Гельмут Шельски перешел из Гамбургского в Мюнстерский университет.

вать корректировке его диагноза в отношении «скептического поколения»¹¹.

Очевидно, что в кругу, охарактеризованном таким образом, работы Карла Шмитта воспринимались не как повод для поддержания культуры младоконсервативной ностальгии. Не менее очевидно, что в результате рецепции Шмитта здесь не возникло никакого кружка «шмиттианцев». К трудам Карла Шмитта относились, так сказать, эклектически, а именно в соответствии с правилом апостола Павла — всё испытывайте, хорошего держитесь. Претензия, что политические теории и философии могут быть полностью непротиворечивыми, вынуждая нас или целиком принимать их, или целиком отвергать, представляет собой интеллектуальный тоталитаризм, и такой тоталитаризм оказывает даже практическое воздействие, когда он образует амальгаму с тем морализмом, что объявляет теорию опровергнутой уже в силу доказанных практических ошибок ее субъекта. Эрнст Блох по аналогичному поводу предупреждал левых интеллектуалов не отбрасывать истины только потому, что найдены они были правыми. Этот принцип Блоха, во всем прочем далеко не либерала, можно позаимствовать, и им можно объяснить тот эклектизм, что определял либеральную рецепцию Шмитта в кругу Иоахима Риттера.

Бернард Вильмс хотел бы возвести Карла Шмитта в ранг классика¹². Ускорение цивилизационного, точнее, научно-исторического развития повсюду привело к резкому росту потребности в классиках; это видно по растущему числу полных собраний сочинений, которые сегодня выходят нередко уже при жизни авторов. В условиях подобной инфляции классиков любая попытка отказать Карлу Шмитту в этом статусе выглядела бы, так сказать, противоречащей законам жанра. Классиком является тот, чьи мнения не устаревают с годами и кого благодаря многообразию им высказанного можно цитировать в теоретически и практически крайне различных контекстах. Так что же дали труды Карла Шмитта для обновления либеральной политической мысли?

Во-первых, Карл Шмитт решительно критикует либерализм и чрезвычайно метко его характеризует. В Мюнстере мы штуди-

11. О довольно влиятельной социологии молодежи Гельмута Шельски рубежа 1960–1970-х годов см.: *Schaefer B. Helmut Schelskys Jugendsoziologie: «Prinzip Erfahrung» contra Jugendbewegtheit. Ein Beitrag zu den Jugendgenerationen der Bundesrepublik // Helmut Schelsky — ein Soziologe in der Bundesrepublik. Eine Gedächtnisschrift von Freunden, Kollegen und Schülern / H. Baier (Hg.). S. 57–67.*
12. Согласно его высказыванию, сделанному во время посвященного Карлу Шмитту коллоквиума 1986 года в Высшей школе управления в Шпейере.

ровали шмиттовскую интерпретацию Гоббса¹³. *Auctoritas, non veritas facit legem*¹⁴ — этот часто цитируемый Шмиттом принцип государственно-церковноправового абсолютизма Гоббса, естественно, в первую очередь репрезентирует не либеральность, а скорее абсолютистский суверенитет в утверждении общественных религиозных обязанностей. После того, говорит Шмитт, как предполагаемый здесь исторический опыт показал, что спор теологов и прочих ревнителей истины веры бесконечен, решение, публично устанавливающее в абсолютизме религиозные обязанности, уже явно не может легитимироваться очевидностью религиозных истин. Оно становится решением, принимаемым на основании авторитета (власти): *Auctoritas, non veritas facit legem*¹⁵. При этом убежденность в необходимости подобного авторитарного установления общественных религиозных обязанностей явно носит долиберальный характер. Тем не менее уверенность в том, что авторитарное установление общественных религиозных обязанностей (если только оно не затрагивает наиболее и одновременно бесспорное для каждого содержание веры) может устанавливать и гарантировать мир, служит убеждением, подготавливающим либерализм. Ведь именно потому, что суверен, вместо того чтобы сослаться на истину, легитимирует свое авторитарное установление общественных религиозных обязанностей прагматически, с целью установления мира, он оставляет открытым вопрос об истинности того, к чему он формально обязывает. Тем самым он открывает свободное пространство для субъективных очевидностей, которые никому не дозволено возвещать и тем более пропагандировать публично и, однако, никому не воспрещается исповедовать их приватно, равно как и подпитывать их непосредственным обращением

13. Разумеется, тем самым мы не становились «гоббсианцами», хотя подобные идентификационные анахронизмы иногда случаются у философов. Кроме того, благодаря либерализирующему воздействию исторического сознания мы оставались открытыми для противоположных с идейно-политической точки зрения способов прочтения, например предложенных позже Мартином Криле. См.: *Kriele M. Die Herausforderung des Verfassungsstaates. Hobbes und englische Juristen. Neuwied, Berlin, 1970.*
14. *Лат.* «власть, а не истина создает закон». — *Прим. пер.*
15. Правда, у самого Гоббса процитированный принцип имеет несравненно менее драматичный, зато более точный смысл выделения отличия между действительностью законодательства, с одной стороны, и модусом действительности вероучений — с другой: *Doctrinae quidem verae esse posse; sed auctoritas, non veritas facit legem* [«Сколь бы истинным ни было какое-нибудь учение, все же власть (авторитет), а не истина создает закон» (*лат.*)]; *Hobbes Th. Malmesburiensis Opera Quae Latina Scriptis / W. Molesworth (Ed.). Vol. III: Leviathan sive material, forma, et potestate Civitatis Ecclesiasticae et civilis. Reprint of the Edition 1839–1845. Aalen, 1961.*

к библейским источникам истины. В результате того что для легитимации общественно значимых религиозных обязанностей отсылают не к истине, а лишь к авторитету монополиста политических решений, выступающего гарантом мира, внутренняя религиозная убежденность инакомыслящих остается незатронутой. Теперь вместо истинности исповедания основанием общественной значимости последнего становится авторитет суверена. Субъект признает эту значимость политически, а значит, избавляется от диктата совести признавать ее в силу ее истинности.

Субъективность, которая, говоря словами Канта, подчиняется, но рассуждает, в случае сомнения всегда лучше знает, нежели инстанция политических решений, которой она подчинена, то есть салоны, клубы и, наконец, участники семинаров, которые могут считаться расширением этой субъективности¹⁶, — вот место прорыва тех либеральных притязаний, которые абсолютистский децизионизм, пытавшийся их укротить, по определению высвобождает, а также реально провоцирует.

Заостряя формулировку, можно сказать, что либеральная рецепция Карла Шмитта воспринимает выявленное им центральное содержание либеральной эволюции, а именно усиливающуюся институциональную эмансипацию притязаний на субъективную значимость, и одновременно меняет знак в отношении шмиттовской оценки этого процесса. Одним словом, Карл Шмитт, согласно либеральным левым шмиттианцам¹⁷, убедительно описал генезис либерализма; теперь оставалось лишь этот генезис с опозданием одобрить.

Как это ни банально, но в этой критикующей рецепции Шмитта речь идет не о произвольной антитезе во взглядах. Фон для этой антитетики образуют выводы, что современное общество вынуждено либо структурироваться тоталитарно, либо резко сократить то множество религиозных, мировоззренческих, идеологических и моральных содержаний, которые оно может вменить каждому в качестве обязательных. Либо возрастающая нейтральность наших религиозных, конфессиональных, мировоззренческих, идеологических и культурных идентификаций, либо политическая тотальность — такова альтернатива, аналитически ясно выраженная Карлом Шмиттом, а равно

Максом Вебером. Выбор либерального ответа виделся упомянутым левым шмиттианцам одновременно предпосылкой института «государство» в обществе эпохи модерна.

Правда, при подобном либеральном прочтении Карла Шмитта всегда слишком часто прибегали к понятию «конфессиональная гражданская война». Тем не менее конфессиональная гражданская война в либеральной интерпретации не играла, как полагал Юрген Хабермас, роль некоего «призрака». Во-первых, опыт этой конфессиональной гражданской войны принципиален для истории либеральных ориентаций вплоть до поздних конституционно-политических формулировок соответствующих гражданских прав, особенно свободы религии¹⁸. Во-вторых, этот опыт повторился в структурно аналогичной форме в нашем собственном столетии под давлением притязания на истинность со стороны идеологий так называемого историцистского типа (К. Поппер)¹⁹. Наконец, в-третьих, религиозные вопросы и в настоящее время не перестали решаться как вопросы политические. Это видно не только в реакции на модерн со стороны исламского фундаментализма, но и в религиозном сопротивлении тоталитарным политическим притязаниям в новейшей европейской истории, не раз страдавшей от недооценки политического веса государственно-церковноправовых и религиозно-правовых вопросов, формы политического невежества²⁰.

Можно сделать вывод, что либеральная тенденция, впечатляющую формулировку которой либеральная рецепция Шмитта обнаружила в его трудах, — это тенденция непрерывного расширения тех религиозных, мировоззренческих, культурных и моральных жизненных содержаний, которые не должны отдаваться на усмотрение политическому суверену и относительно которых решения как раз в этом смысле не должны приниматься в рамках политической системы.

Но, возможно, такое понимание смысла шмиттовского децизионизма ошибочно и непозволительно даже для реабилитированного эклектизма? Но именно шмиттовский децизионизм и допускает либеральное прочтение, и его даже прекрасно можно использовать для защиты либерализма от структурно тоталитарных притязаний на истинность²¹. Юрген Хабермас считает,

16. Так можно сформулировать, опираясь на: *Koselleck R. Kritik und Krise. Freiburg; München, 1959.*

17. О «левошмиттианских учениках Риттера» — под ними недвусмысленно подразумеваются Бёкенфёрде, Люббе, а впоследствии также Шпеманн — говорится в работе: *Kleger H., Müller A. Mehrheitskonsens als Zivilreligion? Zur politischen Religionsphilosophie innerhalb liberal-konservativer Staatstheorie // Religion des Bürgers. Zivilreligion in Amerika und Europa / H. Kleger, A. Müller (Hg.). München, 1986. S. 221–262.*

18. Об этом см.: *Böckenförde E.-W. Die Entstehung des Staates als Vorgang der Säkularisation // Böckenförde E.-W. Staat, Gesellschaft, Freiheit. Studien zur Staatstheorie und zum Verfassungsrecht. Fr.a.M., 1976. S. 42–64.*

19. *Поппер К. Ницета историзма [1960]. М.: Прогресс, 1993.*

20. См. об этом в: *Religion des Bürgers. Zivilreligion in Amerika und Europa / H. Kleger, A. Müller (Hg.). München, 1986.*

21. См. об этом мою статью «Децизионизм — скомпрометированная политическая теория»: *Lübbe H. Deziisionismus — eine kompromittierte politische*

что согласно децизионизму (главными представителями которого для него выступают Шмитт и Вебер²²) политические решения выносятся в борьбе альтернатив, «которые обходятся без убедительных аргументов и обязывающей дискуссии»²³. Если принять характеристику, то как раз станет ясно: к условиям либеральности либеральных отношений относится то, что обязательность обязывающих притязаний на истинность, которым мы подчиняемся политически и юридически, как раз и основана не на обязательности обязывающих дискуссий и убедительных аргументов, а скорее на обязательности решений, легитимность которых опирается на легальность процедуры, посредством которых эта обязательность вступает в силу. Обсуждать, где вместо этого следовало бы принимать решения, означает выказывать то вскормленное опытом Веймарской республики презрение к парламентаризму, которое пронизывает шмиттовскую критику либерализма. Не имеет, конечно, смысла опровергать то общее место, что отказ от решения и неспособность принимать решения во всех политических системах представляют собой особенно действенные факторы саморазрушения. Однако такой род саморазрушения может принципиально быть свойствен как диктатуре, так и либеральной парламентской демократии. Если бы парламенты ориентировались на идеал дискурса, превращающего сами дискуссии в «обязывающие», то в конечном итоге они действительно утратили бы способность принимать решения. Однако вместо этого в них постоянно голосуют, то есть голоса все же не взвешиваются, а скорее подсчитываются, и не непреложность убедительных аргументов способствует обязательности принятых решений, а скорее установленное большинство голосов. Большинство вместо истины — вот что с точки зрения дискурсивных идеалистов приходится постоянно терпеть гражданам в парламентской демократии. «Учреждения осуществленной демократии были бы, как сотканые сети, сделаны из чрезвычайно непрочной intersубъективности», — считает Хабермас²⁴.

Theorie // Lübbe H. *Praxis der Philosophie, Praktische Philosophie, Staatstheorie*. Stuttgart, 1978. S. 61–77.

22. См. об этом: Max Weber und die Soziologie heute. Verhandlungen des 15. Deutschen Soziologentages / O. Stammer (Hg.). Tübingen, 1965. См. здесь выступления в дискуссии по докладу Толкотта Парсонса, в частности: *Habermas J.* S. 74–81, где он говорит: «Мы не можем обойти того факта, что Карл Шмитт был легитимным учеником Макса Вебера» (S. 81).
23. Об антилиберальных последствиях критики децизионизма, проведенной посредством аргументов теории дискурса, см. *Lübbe H.* *Dezisionismus — eine kompromittierte politische Theorie*, *op. cit.*
24. *Idem.* *Universität in der Demokratie — Demokratisierung der Universität // Idem.* *Protestbewegung und Hochschulreform*. Fr.a.M. 1969. S. 108–133, 129.

Если равняться на этот идеал, то даже британский парламент представлял бы собой чистейший децизионизм, не говоря уже о практике решений швейцарских кантональных общин. Дискурсивные идеалы суть нормы, позволяющие оценивать процедурные правила. В свете представления о том, как в наших парламентах обязательность решений могла бы постепенно трансформироваться в обязательность обязывающих дискуссий, они в их нынешнем виде выглядели бы просто антипарламентски²⁵.

При этом решения, принятые голосованием в парламентской практике, не носят характера уступки требованиям жизненной практики. Большинство вместо истины — это не вынужденное нарушение подлинной иерархии оснований легитимности. Как раз в парламентской практике децизионизм не является индикатором недостаточного осуществления тех дискурсивных идеалов, на которые должна была бы ориентироваться демократия. Большинство (вместо истины) функционирует как основание значимости обязательного для нас не из-за того, что ввиду недостаточной эмансипации мы еще не пробудились и не развились до полной демократической дискурсивной компетентности. Парламентская практика, невзирая на всякий раз выявляемые и в каждом отдельном случае исторически объяснимые слабости и недостатки, не отстает от собственной идеальности именно как практика решений. «Большинство превыше истины» как принцип парламентских решений есть что угодно, но только не уступка ситуации ограниченного времени в практике нашей политической жизни. Скорее, этот принцип решения является базовым для антитоталитарной либеральности. Принцип решения, кладущий «большинство вместо истины» в основание наших гражданских обязанностей, является либеральным, поскольку только так остающиеся в меньшинстве граждане получают неограниченную возможность полагать истину совсем в другом месте, чем установленное большинством, громогласно заявлять об этом в парламентских документах и оставаться при убеждении, столь важном для проигравших, что уж когда-нибудь истина восторжествует и найдет свое большинство²⁶.

Короче говоря, дискурсивная сторона парламентской практики способна сохраниться лишь в условиях описанного децизионистского принципа. Напротив, политическое принуждение,

25. Прояснение дискуссии см. в: *Wahrheit statt Mehrheit? An den Grenzen der parlamentarischen Demokratie* / H. Oberreuter (Hg.). München, 1986.

26. См. об этом мою статью: *Lübbe H.* *Zur Philosophie des Liberalismus und seines Gegenteils* // *Lübbe H.* *Fortschrittsreaktionen*. S. 41–55. См. также *Benda E.* *Die Notstandsverfassung // Siebzehntes Gesetz zur Ergänzung des Grundgesetzes und Erklärung der Drei Mächte*. Anhang. München; Wien 8/10/1968. S. 143 ff.

использующее в качестве принципа легитимации только лишь принуждение убедительных аргументов, было бы равносильно концу свободы публично оспаривать легитимность этого принуждения. Представление о том, будто «учреждения осуществленной демократии были бы, как сотканые сети, из чрезвычайно непрочной интерсубъективности», является антипарламентским, антилиберальным. Оно упускает из виду не только смысл парламентских институтов; даже в малых неформальных группах ориентация на подобный идеал оказывала бы невротическое воздействие. Разумеется, для выработки иммунитета против такой невротизации вовсе не обязательно читать Карла Шмитта. Однако тот, кому по каким-либо случайным причинам довелось его прочесть, вполне может использовать Шмитта для заострения либерального смысла парламентского децизионистского принципа «большинство вместо истины», и именно такую выгоду извлекла обсуждаемая здесь либеральная рецепция Шмитта из изучения децизионизма.

Критику парламентаризма Шмиттом при этом можно спокойно характеризовать как правую. Каким бы историческим опытом — а определяющим для его биографии стал опыт политической и парламентской недееспособности Веймарской республики — ни подпитывалась шмиттовская критика системы политического либерализма, обусловленная длительными дискуссиями неспособность к принятию решений во всяком случае не казалась нам, тогда молодым, системной характеристикой второй немецкой парламентской демократии. Да и какой такой важный смысл добавляло презрительное применение формулы «дискутирующий класс» к истории ФРГ? И кроме того, как вообще можно понимать всемирную историю XX столетия исходя из псевдотеоремы о мнимой децизионистской слабости либеральных парламентских демократий? В итоге это означает: решение и обсуждение суть институционализированные *этапы* процедуры, а не альтернативные политические процедуры. Поэтому выбор в пользу исчезновения дискуссии в решении или же, наоборот, в пользу исчезновения решения в дискуссии представляют собой лишь взаимодополнительные формы политического романтизма. Для концептуальной характеристики этих форм политического романтизма политическая теория Карла Шмитта действительно дает либералам хорошие предпосылки, что, естественно, не означает, будто Карла Шмитта можно назвать либералом²⁷.

27. Напротив, Карла Шмитта, пожалуй, можно охарактеризовать как романтика. Этот романтизм, в частности, подразумевает особенно положительную политико-эстетическую оценку чрезвычайного положения. Известные

Важные для рассматриваемого здесь левого шмиттианства понятия об условиях способности политических систем к самосохранению не в последнюю очередь содержались в работе Шмитта «Легальность и легитимность». Слабостью Веймарской республики — так казалось нам из перспективы этой небольшой работы Карла Шмитта — была, в частности, ее неспособность юридически и политически распознать своих смертельных врагов и реагировать соответствующим образом. Это не должно было повториться при второй немецкой парламентской демократии — таков вывод, который из анализа Шмитта могли сделать именно либералы. Бонн не должен был стать Веймаром и не стал им. «Оборонеспособная демократия» — этот лозунг любили использовать в первые годы Федеративной Республики Германия даже в публицистике, а что это может означать, объяснялось на примере практики запретов партий. При этом соображения политического оппортунизма вполне могли служить аргументами против подобных запретов. Так или иначе, то, что либеральная система в случае опасности должна быть способна использовать свою легитимность против такого нарушения легальности, которое опирается на более высокую легитимность, и действительно защищаться, — вот что может быть хорошо выражено с помощью шмиттовских категориальных средств. Пресловутое различие друга и врага оказывается в данном контексте применимым и даже незаменимым. То, что либеральная демократия представляет собой систему, которая должна распрощаться с мышлением «друг–враг», относится к одному из топосов морализующей критики Шмитта. Очевидно, что этот топос исполнен благих намерений: всем нам лучше дружить, а не враждовать. Однако что делать, если этой христианской норме не соответствует политическая реальность? В ли-

тезисы из «Политической теологии» Карла Шмитта» («Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению. В исключении сила действительной жизни прорывает кору застывшей в повторении механики...» и т. д.) доказывают это со всей очевидностью. После того как я в своей статье (*Lübbe H. Zur Theorie der Entscheidung // Lübbe H. Theorie und Entscheidung. Studien zum Primat der praktischen Vernunft. Freiburg i.Br. 1971. S. 7–31*) изложил это подробнее, Карл Шмитт при встрече в Эбрахе сказал мне: «Вы можете говорить обо мне все, что считаете правильным, но только не называйте меня романтиком!» За этим требованием, естественно, кроется известное понятие романтизма у Карла Шмитта, которое, впрочем, не может никому помешать называть подчеркнуто положительную эстетическую оценку политического чрезвычайного положения «романтической». Называть ли Карла Шмитта романтиком, как это предпочитаю делать я, или нет — это спор о словах.

беральной демократии никто не является политическим врагом — и так и должно быть. Но разве не было как раз у самой этой демократии врагов в прошлом и разве нет их в настоящем? Да и как следовало бы политически расправиться со сторонниками мышления по принципу «друг-враг», не воспринимая их именно в роли врагов? Разве можно полностью устранить возможность чрезвычайного положения лишь посредством обращения к чрезвычайным положениям? Разве конституционный законодатель при включении в конституцию статей о чрезвычайном положении не предоставил всем немцам право на сопротивление каждому, кто попытается отменить конституционные принципы, если другие средства уже невозможны?²⁸ Какой смысл имело бы объявить понятие врага конституции бессмыслицей только из-за того, что оно происходит из так называемого мышления по принципу «друг-враг»?

Короче говоря, центральную совокупность понятий политической теории Карла Шмитта можно без проблем использовать в либеральном духе для обоснования конституционно-правовых и иных политических мер самоутверждения либеральной парламентской демократии. Проявлением же левошмиттианства было, например, в споре о так называемой чрезвычайной конституции выступление в ее пользу вместе с отказом в праве на сопротивление, утверждавшемся одновременно с чрезвычайной конституцией, — и не чтобы отвергнуть это право на сопротивление, а скорее потому, что по своей политической природе оно таково, что в нем никто не нуждается до тех пор, пока обращаться к праву дозволяется каждому, и от него нет никакой пользы, когда в обращении к этому праву действительно отказано²⁹.

Левошмиттианской в обрисованном здесь либеральном смысле была впоследствии и критика различных политических форм так называемого второго немецкого молодежного (особенно академического) движения конца 1960-х — начала 1970-х годов³⁰. Еще сохранилась память о многочисленных комментаторах, которые приписывали распространенным тогда акционистским правонарушениям высшую легитимность некоей верховной

воли к истинной демократии, наконец-то проявившейся в немецкой послевоенной истории³¹. В действительности, как описал Одо Марквард, здесь имели место явления некоего догоняющего сопротивления³² — та революционная романтика, которая сказывается в желании задним числом, уже после окончательной гибели отношений, приписать эту гибель на счет революционности. Появились университетские начетчики-ленинцы; старый идеал неотчужденного тождества истины и 100%-ного голосования «за» вдохновил концепцию неформальной демократии; кроме того, теоретически и практически были выявлены последние враги, после устранения которых никаких врагов у демократов уже никогда бы не было. Случайно процитировать Карла Шмитта в позитивном ключе тогда было достаточно, чтобы лишиться права, например, участвовать в университетской конференции по Ленину (Lenin-Konferenz). Так произошло со мной в Югославии³³, причем в роли доносчиков выступили, разумеется, не югославы, а, напротив, мои немецкие коллеги. Структура подобных процессов при всем их фарсовом характере, конечно, превосходно описывалась шмиттовскими категориальными средствами: шмиттовское понятие политического кажется списанным именно с политического действия ленинского типа.

Наконец, либеральное левое шмиттианство заимствовало из шмиттовской политической теории апологию «сильного государства». Сегодня с этим признаком вряд ли связываются либеральные коннотации, поэтому есть необходимость в некоторых объяснениях. Приведу самый невинный пример из ранней истории ФРГ: закон о социальной поддержке молодежи³⁴ был для нас тогда объектом нападок, не в последнюю очередь вдохновленных Шмиттом. То, что государство, все местные структуры, включая коммуны, в качестве субъекта и поставщика благотворительных услуг принципиально уступали место свободным субъектам подобных услуг, особенно близким церкви, и тем не менее должны были оплачивать подавляющую часть их расходов, — это казалось нам тогда несовместимым с требованиями гражданского чувства³⁵. Это противоречило не действию

28. См. в качестве образца критики: *Kritik der Notstandsgesetze. Mit dem Text der Notstandsverfassung* / D. Sterzel (Hg.). Fra.M., 1968.

29. Об этом парадоксе см.: *Denninger E. Der Schutz der Verfassung // Handbuch des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland* / E. Benda, W. Maihofer, H.-J. Vogel (Hrsg.). Berlin; N.Y.: 1983. S. 1293–1327.

30. Среди обильной литературы см., например: *Sontheimer K., Ritter G. A., Schmitz-Hübsch R., Kevenhörster P., Scheuch E. K. Der Überdruß an der Demokratie. Neue Linke und alte Rechte — Unterschiede und Gemeinsamkeiten* / H. Schmidt (Vorw.). Köln, 1970.

31. Критику этих уступок легитимации см. в моей книге: *Lübbe H. Endstation Terror. Rückblick auf lange Märsche*. Stuttgart, 1978.

32. *Marquard O. Abschied vom Prinzipiellen*. Philosophische Studien. Stuttgart, 1981. S. 9 ff: «Неповиновение задним числом».

33. В Загребе в 1970 году.

34. О его юридическом, историко-правовом и социально-политическом контексте см.: *Riedel H. Jugendwohlfahrtsrecht*. Textausgabe mit Erläut. und Sachreg., 7. Neubearb. Aufg., München, 1971.

35. См. об этом: *Rendtorff T. Kritische Erwägungen zum Subsidiaritätsprinzip // Der Staat*. 1962. Jg. 4. S. 405–430.

принципа субсидиарности, но его превращению в финансовые притязания на общественные фонды со стороны учреждений, имеющих привилегированный свободный статус, от услуг которых зависит каждый гражданин, независимо от принадлежности к данным общественным группам³⁶.

За этим противодействием закону о социальной поддержке молодежи крылась заинтересованность в защите гражданской свободы от властного вмешательства организованных общественных групп. А какой институт, если не государство, должен обеспечить эту защиту? Короче говоря, известная шмиттовская критика плюрализма могла служить средством апологии государства как защитника индивида от властного вторжения организованных общественных групп³⁷.

Плюрализм сегодня, конечно, служит в первую очередь ключевым словом для общественных и культурных отношений, которые могут возникнуть лишь в условиях политически гарантированной свободы. Этому не противоречит, что в ранней истории ФРГ, бывало, возникали пожелания иметь поблизости неконфессиональный детский сад или надеяться на то, что выбор места для университета не будет определяться тем, в какой епархии еще нет университета³⁸. При всём, признаемся, ограниченном понимании смысла и истории принципа *Closed-shop*³⁹ он казался нам нарушающим свободу граждан, и государство должно было противостоять претензиям профсоюзов в этой сфере.

Государство как гарант либеральности... За этим стояла политически явно наивная и тем не менее в долгосрочной перспективе необходимая идея противостояния нефеодалным тенденциям, возникающим из власти организованных групп. И характеризуемая таким образом апология государства как гарантирующей либеральность рамочного порядка для общественного плюрализма могла среди прочего опираться на Шмитта, как утверждалось при основании журнала «Государство»⁴⁰. И левощмиттианская, то есть либеральная, рецепция шмиттов-

36. Ясное политико-правовое обсуждение принципа субсидиарности см.: Schulz H.-J. Von der Subsidiarität zur Partnerschaft. Entwicklung und Folgen des Verhältnisses von Staat und Kirche, dargestellt am Beispiel der Jugendhilferechtsreform. Diss. Fr.a.M., 1981.

37. Это, помимо прочего, определяло концепцию основания журнала «Государство». См. об этом: Zum Geleit // Der Staat. Zeitschrift für Staatslehre, öffentliches Recht und Verfassungsgeschichte / G. Oestreich, W. Weber, H. J. Wolff (Hg.). 1962. 1. Bd. H. 1. S. 1–2.

38. См. по поводу истории основания Рурского университета в Бохуме: Lübke H. Geschichtsbegriff und Geschichtsinteresse. Analytik und Pragmatik der Historie. Basel; Stuttgart, 1977. S. 35–38.

39. Dunn S., Gennard J. The Closed-shop in British Industry. L.; Basigstoke, 1984.

40. См. Schulz H.-J. Von der Subsidiarität zur Partnerschaft, *op. cit.*

ской теории плюрализма как раз это и делала. Ее ядро заключалось в антиэкзистенциалистской апологии гражданского существования: его общественную культуру определяет и вдохновляет не мировоззрение, не конфессиональная принадлежность, не верность линии партии или участие в классовой борьбе, а ответственность праву и уважение к правовым институтам и их процедурам. В поле взаимодействий, свойственном мюнстерской школе, это без труда сомкнулось с институционально-теоретическими интересами, которые все больше определяли работу Хельмута Шельски после его переезда из Гамбурга в Мюнстер⁴¹. Позднее Риттер и Шельски сотрудничали в Вестфальской секции Международного общества философии права и социальной философии, и их сотрудничество сыграло свою роль в истории основания Билефельдского университета. Первая институция этого нового университета — Центр междисциплинарных исследований — начала работу с конференций по данной тематике⁴².

Вполне возможно, что шмиттианцы ностальгического типа даже и не заинтересуются изучением очерченной здесь либеральной рецепции Карла Шмитта. Однако либералы могут найти любопытным, что эклектизму (этой главной либеральной добродетели, теперь немного забытой, но когда-то повсюду громко восхвалявшейся европейским Просвещением) представляется вполне возможным с точки зрения истории влияния использовать в либеральных целях даже самого Карла Шмитта⁴³.

Перевод с немецкого Олега Кильдюшова

41. Schelsky H. Die Soziologie und das Recht. Abhandlungen und Vorträge zur Soziologie von Recht, Institution und Planung. Opladen, 1980. Также см.: Person und Institution. Helmut Schelsky gewidmet / R. Pohlman (Hg.). Würzburg, 1980.

42. См. об этом: Lübke H. Helmut Schelsky und die Interdisziplinarität. Zur Philosophie gegenwärtiger Wissenschaftskultur // Interdisziplinarität. Praxis — Herausforderung — Ideologie / J. Kocka (Hg.). Fr.a.M., 1987. S. 17–33.

43. Армин Молер назвал мое изложение *causerie improvisée* (фр. «импровизированная болтовня»), что вполне верно в том смысле, что здесь речь идет не о сообщении результатов исследований, а скорее о воспоминаниях о взаимодействиях, которые стоило бы изучить. Впрочем, удивление, которое, по собственному признанию Молера, у него вызвали рассуждения о присутствии Шмитта в кругу *Collegium Philosophicum* в Мюнстере под эгидой левого шмиттианства, служит выражением снисходительности Молера в отношении либералов, которые, не отрицая возможности чрезвычайного положения, не были загипнотизированы при этом его реальностью. См.: Mohler A. Schmittistes de droite, Schmittistes de gauche et... Schmittistes établis // Nouvelle Ecole. 1987. № 44. Science politique. Carl Schmitt 1888–1985. P. 63–66.